

КОРЕЯ В СОСТАВЕ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРИИ (1910—1945 гг.)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Виктор Алексеевич ГАЙКИН,
кандидат исторических наук

Победа Японии в войне с Россией 1905—1907 гг., выступавшей за независимость Кореи, позволила Японии приступить к захвату этого государства. В 1905 г. она установила протекторат над Кореей, два года спустя корейский император был вынужден отречься от престола. Обе страны заключили «соглашение», по которому «все дела внутреннего управления передавались под полный контроль японского генерал-резидента в Сеуле»¹. В каждый департамент назначался японский вице-премьер, становившийся фактически главой этого ведомства. Японцы поставили под свой контроль полицию, судебные учреждения, распустили корейскую армию.

Период протектората продолжался до 1910 г. Все это время корейский народ боролся с иностранными захватчиками. Восстания вспыхивали то в одном, то в другом районе страны, которые жестоко подавлялись японскими властями. Согласно данным японской статистики, с июля 1907 г. до конца 1908 г. были убиты 14566 повстанцев и сдались в плен 872 чел. В 1909 г. число убитых составило 3000 чел., взятых в плен 2844 и сдавшихся — 2091 чел.²

С 1910 г. после аннексии Корея стала именоваться «японским генерал-губернаторством Тёсэн». В период 1912—1918 гг. японские колонизаторы провели так называемую «земельную перепись» с целью выявления необложенных налогами земель и выдачи свидетельств на право их владением. Значительное число крестьян не смогли подтвердить свои права на землю, и их участки перешли в собственность генерал-губернаторства. Результатом «переписи» был захват японцами в Корее огромного количества плодородных земель. За 6 лет (1912—1918 гг.) облагаемые налогами площади увеличились на 48%³. Соответственно ухудшилось положение крестьян.

Активную деятельность развернула в Корее «Восточно-колониальная компания», организованная в 1908 г. Она сдавала в аренду корейским крестьянам захваченные и скупленные за бесценок земли, предоставляла населению ссуды под ростовщические проценты. Определенную роль в эксплуатации крестьянства играли ирригационные «товарищества», контролируемые японским капиталом. Крестьяне, владевшие землями, нуждавшимися в орошении, зависели от этих организаций. В случае неуплаты очередных взносов они теряли участки, которые переходили в собственность ирригационных обществ.

Арендная плата, налоги, выплаты долгов ростовщикам лишали крестьян не только добавочного, но и части необходимого продукта. У них не было возможности расширять производство, приобретать орудия труда. Производительные силы в сельском хозяйстве не развивались. Крайнее обнищание вынуждало крестьян продавать землю. В 1917 г. было продано 343 тыс. участков, в 1920 г. — 557 тыс.

Первое десятилетие после аннексии (1910—1920 гг.) получило название «сабельного режима». Это был период неприкрытого террора, направленного против любого проявления недовольства колониальной властью. Корейцы подвергались национальной дискриминации, для них и японцев существовали раздельные магазины, транспорт, школы. Корейцы были лишены элементарных политических прав. Истреблялась национальная культура, запрещались общественные и политические организации, кружки самообразования. Генерал-губернатор обладал неограниченной властью. Он руководил полицией, администрацией, издавал законы. Кроме полиции в стране постоянно находилось несколько дивизий регулярной армии. Вся политика японской администрации была направлена на превращение Кореи в аграрно-сырьевой придаток Японии, в рынок сбыта японских товаров.

В марте 1919 г. в Корее вспыхнуло народное восстание против колониального ига. Начавшееся с мирных демонстраций, организованных буржуазными националистами, оно переросло формы петиционного движения за независимость, приняв общенациональный, всенародный характер, и продолжалось два месяца. Крестьяне выступали с антифеодальными лозунгами, громили помещичьи усадьбы. Было разгромлено и сожжено 159 правительственных учреждений и полицейских участков⁴. Активное участие в борьбе приняли рабочие Сеула, Пхеньяна и других городов. Восстание подавили с чудовищной жестокостью: против практически безоружного народа бросили жандармерию, армию; каратели сжигали целые деревни.

После превращения страны в японскую колонию земельная политика колонизаторов, приведшая к разорению крестьян, экономический гнет, политическое бесправие и полицейские репрессии привели к тому, что за первое десятилетие колониального режима (1910—1920 гг.) только в Маньчжурию переселились, по официальным, далеко не полным данным, 205 тыс. чел. Большое число корейцев эмигрировали в Россию. Среди них были и политические эмигранты, и крестьяне, потерявшие землю.

Второе десятилетие колониального господства Японии в Корее имело свои особенности. Восстание 1919 г. заставило японское правительство отказаться от методов военного террора и перейти к политике кнута и пряника. Указы, изданные в 1919—1920 гг. провозглашали равные права корейцев с японцами, свободу слова, уважение корейской культуры. Было объявлено о начале «эры культурного правления», назначен новый генерал-губернатор. Главной целью реформ являлось укрепление режима. В 1920 г. власти отменили «Закон о компаниях», серьезно тормозивший развитие корейского бизнеса. К значительному росту корейского капитала это не привело, по-прежнему он не был способен конкурировать с японским капиталом. За несколько лет капитал корейских предприятий вырос с 11,4 до 24,8 млн. иен, японские же фирмы увеличили его с 83,4 до 175,4 млн. иен⁵.

Положение корейского пролетариата не изменилось. Он по-прежнему подвергался не только эксплуатации, но и национальной дискриминации. Выполняя одну и ту же работу, корейский рабочий получал в 2—3 раза меньшую заработную плату, чем его японский коллега. Росло классовое сознание корейского пролетариата, увеличилось количество забастовок. В 1920 г. в них участвовали 4599 тыс. чел., в 1930 г. — 18972 тыс.⁶ В 1924 г. была создана тайная полиция для борьбы с антияпонскими организациями, вышел «Закон об охране государственной безопасности». Если в 1910 г. число заключенных в тюрьмах составляло 7020 чел., то в 1930 г. — 17323 чел.⁷

Рисовые бунты в Японии 1919 г., нехватка продуктов питания в метрополии привели к тому, что в 1920 г. был принят 30-летний план увеличения производства риса в Корее для экспорта его в Японию. План предусматривал строительство ирригационных сооружений, расширение посевов риса. За первые 15 лет предполагалось увеличить площади, занятые под рисом, на 400 тыс. тёбу⁸. Хотя эта программа и не была выполнена, занятость корейских крестьян в сельском хозяйстве в течение 20-х годов увеличилась. Так, число работающих в сельскохозяйственном секторе выросло за период 1925—1929 г. по

сравнению с периодом 1915—1919 гг. на 6%⁹. В то же время размер участка, приходящегося на один крестьянский двор в Корее, уменьшился за это время с 1,5 тёбу до 1,39 тёбу¹⁰. Усилилось разорение крестьян, вымывание мелких собственников, превращение их в арендаторов. Доля крестьян-собственников в структуре аграрного населения сократилась с 19,7% в 1918 г. до 17,6% в 1930 г., полуарендаторов — с 39,5% до 31,4%. За тот же период число арендаторов увеличилось с 37,7% до 47,4%¹¹. Как отметил корейский экономист Ин Чжон Сик, корейцы «платят самую высокую арендную плату в мире — 50—90% урожая»¹².

Земля разорившихся крестьян, естественно, переходила в собственность корейских и японских помещиков, число последних было особенно велико. Так, количество владельцев участков площадью больше 200 тё, с 1921 г. по 1927 г. уменьшилось с 66 до 45 чел.; за это же время число японских помещиков аналогичного уровня увеличилось со 169 до 192 чел.¹³

По оценке корейского исследователя Ли Хун Гу: «Причин этих перемен много, и самая первая та, что японский капитализм внедряется все глубже и глубже в сельскохозяйственную экономическую структуру... концентрация земли японскими капиталистами идет так быстро, что множество мелких корейских землевладельцев потеряли свои земли»¹⁴. Производство риса в Корее увеличилось с 13700 тыс. сок в 1918 г. до 19200 тыс. сок в 1931 г. (1 сок примерно 180 литров). Однако потребление риса в Корее уменьшилось за тот же период с 11600 тыс. до 10500 тыс. сок. Почти половина корейского риса вывозилась в Японию. Примечательно, что потребление риса корейцами на душу населения составляло 0,52 сок в год, а японцами, жившими в Корее, — 1,3 сок¹⁵. Даже японские исследователи отмечали: «В Корее число бедствующих осенью 1926 г. составило 162 тыс. дворов, или 800 тыс. человек. Многие из них не имели арендного договора. Кочуют туда сюда, питаются корнями, травой»¹⁶.

Увеличение занятости в сельском хозяйстве, а также некоторое смягчение репрессивного режима после восстания 1919 г. содействовали уменьшению эмиграции из страны в период 1920—1930 гг. В Маньчжурию за это время выехали, по официальным неполным данным, 129 тыс. чел.: на 30% меньше, чем за предыдущее десятилетие¹⁷. (Кроме Маньчжурии, корейцы в это время эмигрировали в Японию).

По данным японских колониальных властей, в период с 1910 по 1926 г. из Южной Кореи в Маньчжурию эмигрировали 47306 чел., из Центральной — 35905 чел., из северной части Кореи — 225229 чел.¹⁸ Тот факт, что на Северную Корею падает около 75% всех эмигрантов в Маньчжурию, объясняется ее географической близостью к Китаю. Основная масса крестьян, уезжавших из Южной Кореи, направлялась в Японию. Так, в 1938 г. из 800000 корейцев, проживавших в Японии, более 95% составляли выходцы из южных районов Кореи¹⁹.

В 1930 г., по данным опроса корейских переселенцев в Маньчжурии (201 семья), тяжелые условия жизни и экономические трудности назвали причиной эмиграции в Корею 80% опрошенных, 3,4% заявили, что эмигрировали по политическим причинам²⁰.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. болезненно сказался на экономике Японии. В поисках выхода из кризиса правящая элита Японии усилила ограбление колоний. Резко упали цены на корейский рис, хлопок. В то же время цены на промышленные товары, импортируемые из Японии, почти не изменились. Издержки неэквивалентного обмена между Японией и Кореей ложились на корейский народ тяжелым бременем в виде повышения арендной платы и ухудшения условий жизни.

По переписи 1932 г., население Кореи составляло 20037273 чел. Кроме этого, в стране проживали 523452 японца. Большинство корейского населения (более 16 млн. чел.) было занято в сельскохозяйственном секторе²¹. В период кризиса положение крестьянства резко ухудшилось. Оно страдало от двойного гнета — корейских помещиков и чужеземных колонизаторов. За период с 1929 г. по 1934 г. число крестьян-арендаторов увеличилось на 280 тыс. чел.²²

Из-за экономического кризиса японское правительство в 1934 г. прекратило осуществление плана увеличения производства риса в Корее, что еще более ухудшило положение крестьян. «В начале 30-х гг. ... бедность крестьян ставила их на грань вымирания»²³. Даже японцы вынуждены были признать, что уровень жизни корейского народа крайне низок. Чиновник министерства земледелия и лесного хозяйства Японии Такада, вернувшись из поездки в Корею, заявил: «Трудно представить себе жизнь корейского крестьянства. Половина крестьян питается обычно маньчжурскими жмыхами и ячменем, а в апреле, мае и июне по лунному календарю корейские крестьяне питаются буквально травой и древесными корнями, не имея даже маньчжурских жмыхов»²⁴.

Господство феодальных отношений благоприятствовало процветанию ростовщичества. Обследование 403 бедняцких хозяйств показало, что 71% их имели долги на общую сумму 32701 иен — в среднем по 81 иене на хозяйство. А средний доход одного хозяйства составлял в год 139 иен²⁵. Земли, отчуждаемые у крестьян за долги, переходили к банкам, земельным компаниям, японским помещикам. Так, «Восточно-колониальная компания» (Тотаку) в 1936 г. владела 166419 чонбо поливных земель и несколько сот тысяч чонбо контролировала через займы²⁶.

Быстро росло число японцев, переселившихся в Корею. В 1929 г. их было 488778 чел., в 1938 г. — 633320 чел.²⁷ Сельскохозяйственный сектор в начале 30-х годов насчитывал 50 тыс. чел.²⁸ Но непосредственно крестьянским трудом занимались не более 4 тыс. японцев. Остальные сдавали землю в аренду корейским крестьянам. Хотя число японских землевладельцев составляло 7,8% от числа корейских помещиков, владели они 59% всех пахотных земель²⁹.

Сельское хозяйство Кореи было поставлено на службу войне, которую вела Япония в Китае и на Тихом океане. Вывоз риса в Японию составлял в 1912—1915 гг. 9,5% урожая, в 1931—1934 гг. — 41,4%, в 1936—1940 гг. — 33,1%³⁰. С 1916 г. по 1940 г. вывоз риса в Японию вырос в 4 раза³¹. В Корею же ввозили из Маньчжурии чумизу, гаолян — основные продукты питания корейского народа. За 1941—1945 гг. потребление корейцами зерновых культур сократилось на 36%³².

В 30-е годы Япония построила в Корее значительное количество химических, металлургических, горнодобывающих, машиностроительных предприятий — все это в большей степени за счет эксплуатации корейских трудящихся, прежде всего крестьян. В 1933 г. японское правительство выдвинуло «План освоения Северной Кореи», рассчитанный на 15 лет. Официально он сводился к освоению минеральных ископаемых страны, подъему целинных земель. Настоящей целью было создание здесь плацдарма агрессии против СССР. Строились шоссейные и железные дороги, реконструировались порты. Все тяжелые земляные работы выполнялись крестьянами.

Японские монополии занимали господствующие позиции в экономике Кореи. Концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитомо контролировали металлургическую, угольную, золотодобывающую, текстильную промышленность, переработку сельхозпродуктов³³. Японское правительство создало особо благоприятные условия для деятельности своих фирм в Корее. Им выплачивались огромные субсидии из бюджета Кореи, которые соответственно налоговым бременем ложились на плечи народа. Так, субсидии только горнодобывающим компаниям составляли в 1940 г. около 16% всех бюджетных ассигнований.

В том же 1940 г. из бюджета Кореи было изъято 180 млн. иен на военные нужды, 209 млн. иен — на строительство стратегических железных и шоссейных дорог, оборудование портов. Еще одним источником ограбления корейского народа можно назвать принудительные военные займы, выпуск которых увеличился с 1936 по 1940 г. в 6,5 раза. Налоги и займы составляли 78% всех доходов бюджета. Сумма ежегодно собираемых с населения Кореи налогов за тот же период увеличилась в 2 раза³⁴.

Выкачивание средств из корейской деревни шло и посредством ножниц, существовавших между ценами на промышленные товары и сельскохозяйственные продукты. С 1936 г. по 1940 г. оптовые цены на зерновые продукты вырос-

ли на 68,7%, а на металлические изделия поднялись на 140%, т.е. росли в 2 раза быстрее. Усиление феодального гнета, рост налогообложения, ростовщичества, дробление крестьянских участков вели к формированию в крестьянской среде скрытого аграрного перенаселения — «массы сельских хозяев, имевших такие ничтожные участки земли, существовать с которых нельзя»³⁵. В 1938 г. хозяйств, обрабатывающих менее 0,5 тё земли, насчитывалось 938317, что составляло почти треть всех крестьянских дворов³⁶. Такие участки, как правило, не обеспечивали прожиточный минимум семьи. Крестьян, которые по этой причине вынуждены были батрачить, искать приработки на стороне, насчитывалось в 1932 г. 775 тыс. чел. Помещики предпочитали докапиталистические формы эксплуатации, сдачу земли в аренду. Капитализацию сельского хозяйства в Корее и развитие «кулацких» хозяйств тормозили также высокая цена на землю, политика контроля над сельскохозяйственными закупками, монопольно высокие цены на орудия труда, удобрения. Только с 1914 г. по 1921 г. цена земли выросла в 3 раза, арендная плата — в 6 раз.

Наемная рабочая сила в сельском хозяйстве Кореи использовалась слабо. С 1930 г. по 1940 г. число дворов сельскохозяйственных рабочих увеличилось незначительно — с 96508 до 102000, главным образом в результате разорения крестьян во время кризиса 1929—1932 гг.³⁷ Не находя применения своему труду, многие вконец разорившиеся крестьяне становились «хвачжёнминами» (те, кто занимался подсечным земледелием). Число хвачжёнминов увеличилось с 34 тыс. дворов в 1925 г. до 81 тыс. дворов в 1934 г.³⁸

Наличие в корейской деревне пауперизованных крестьян приводило к росту их эмиграции за границу. Аграрное население Кореи уменьшалось. В 1935—1940 гг. его численность снизилась до 97% по сравнению с уровнем 1915—1919 гг.³⁹ Хотя доля корейцев, занятых в несельскохозяйственном секторе увеличилась к 1942 г. по сравнению с 1911 г. в 2 раза — с 14,5% до 28,8%⁴⁰ — количество свободных рабочих мест в промышленности для разоренных крестьян было недостаточным. Пролетариат рос, но большинство квалифицированных рабочих составляли японцы (10% численности рабочего класса Кореи)⁴¹. Корейцы использовались главным образом в качестве чернорабочих. Широкое применение дешевого детского труда в промышленности (10% рабочих составляли дети) еще более снижало шансы взрослых корейцев на трудоустройство⁴².

Около 40% трудоспособного японского населения в Корее было занято на государственной службе, примерно 25% вели торговлю⁴³. Корейский студенческий журнал отмечал: «Все должности, дающие возможность получать доход, заняты японцами. Даже шоферы уличного транспорта и те являются большей частью японцами. С другой стороны, массы трудоспособных корейцев безработны»⁴⁴.

В городах и пригородах Кореи появились целые кварталы трущоб, в которых ютились обездоленные люди. Средства на жизнь они добывали случайными заработками поденных рабочих, грузчиков. Уровень их жизни был крайне низок, смертность — очень высока. По сообщениям корейских газет, в июне 1935 г. в Корее насчитывалось 97500 официально зарегистрированных безработных, на 9% меньше, чем в июне 1934 г. Однако некоторое сокращение безработицы объяснялось не ростом количества рабочих мест в промышленности. «Причина уменьшения безработицы — переселение корейцев в Маньчжурию»⁴⁵.

Период 1931—1945 гг. характеризовался небывалым ростом количества эмигрантов. Так, в Маньчжурию, по официальным, далеко не полным данным, переселились около 600 тыс. чел., примерно столько же, сколько за предыдущие 60 лет эмиграции. Немаловажное значение имело то, что марионеточные власти Маньчжоу-Го не препятствовали корейской колонизации. Покидать страну корейцев вынуждали невыносимые условия жизни. По некоторым оценкам, ежегодно за границу, главным образом в Маньчжурию и Японию, эмигрировали около 100000 корейцев⁴⁶.

После захвата Маньчжурии Японией переселение туда корейцев вызвели в ранг «государственной политики». В 1936 г. был выработан план организованного переселения в Маньчжурию в течение 15 лет 150 тыс. семей корейцев⁴⁷. Внешние цели были связаны с экспансией Японии в Маньчжурии. Внутри страны колонизаторы выселением сотен тысяч малоземельных и безземельных крестьян надеялись разрядить накалившуюся социальную обстановку в корейской деревне.

Заметно изменился географический состав переселенцев в Маньчжурию. Если в 1934 г. 93,2% корейцев Цзяньдао были выходцами из Северной Кореи и лишь 6,8% — из Южной, то из переселенных в организованном порядке в Маньчжурию с 1937 г. 61,3% составляли выходцы из Северной Кореи и 38,7% — из Южной Кореи⁴⁸. Южная Корея располагала лучшими поливными землями, дававшими два урожая в год. Именно там был особенно активен японский капитал, стремившийся установить контроль над производством риса, но основной поток эмигрантов из Южной Кореи шел все-таки в Японию из-за географической близости.

Наблюдается корреляция между темпом роста валового продукта в Корее, динамику которого определяло главным образом развитие промышленности, и количеством эмигрантов в Маньчжурию. Период 1930—1940 гг. с самым высоким среднегодовым приростом валового продукта (8,1%)⁴⁹ и рекордным шестикратным увеличением объема промышленного производства дал самое большое число корейцев, переселившихся в Северо-Восточный Китай — около 400 тыс. чел. (по официальным неполным данным). Второе место по числу эмигрантов (205 тыс. чел.) занимает период 1911—1920 гг. с ежегодным приростом валового продукта 5,2%. И меньше всего переселенцев (129 тыс.) было в 1920—1930 гг. с самым низким приростом валового продукта — 2,9%⁵⁰. Разумеется, действовали и другие не менее важные факторы, о которых говорилось выше. Но не вызывает сомнения, что строительство военных объектов, железных и шоссейных стратегических дорог, портов, заводов, шахт ложилось тяжелым бременем на корейских крестьян. Превращение Кореи в военно-экономический плацдарм агрессии на материке велось за счет хищнической эксплуатации природных богатств страны, колониального ограбления широких масс корейского народа.

В заключение можно сказать, что политический и экономический гнет японского колониального режима был главной причиной эмиграции миллионов корейцев за границу. Если к моменту установления протектората Японии над Кореей (в 1905 г.) за границей (главным образом в России и в Китае) было не более 200 тыс. корейцев, то в 1945 г. — 4 млн. чел. (из них 2 млн. в Японии), что составило 15% от населения Кореи.

¹ Гражданцев А.А. Корея. М., 1948. С.132.

² Там же. С.155.

³ История Кореи. М., 1974. С.419.

⁴ Шабшина Ф.И. Народное восстание 1919 года в Корее. М., 1958. С.140.

⁵ Пигулевская Е.А. Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М., 1952. С.85.

⁶ Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа. М., 1953. С.253.

⁷ Там же. С.244.

⁸ Ямабэ Кэнтаро. Нихон тодзика но тэсэн (Корея под управлением Японии). Токио, 1971. С.107.

⁹ Сан Чул Су. Рост и структурные изменения в корейской экономике 1910—1940. Кэмбридж-Лондон, 1978. С.73. Англ. яз.

¹⁰ Ин Чжон Сик. Тэсэн но ноге кико (Структура сельского хозяйства Кореи). Токио, 1940. С.63.

¹¹ Корея под японским колониальным управлением: Изучение политики и технологии японского колониализма. Каламадзо, 1973. С.107. Англ. яз.

¹² Ин Чжон Сик. Указ. соч. С.62.

¹³ Хун Ку Ли. Использование земли и экономика сельского хозяйства в Корее. Чикаго, 1936. С.163. Англ. яз.

¹⁴ Там же.

- ¹⁵ Очерки по истории... С.240.
- ¹⁶ Дзюнсукэ Усимару, Есимаро Мурата. Сайкин Канто дзидзё (Современное положение Цзяньдао). Сеул-Токно, 1927. С.305.
- ¹⁷ Казакевич И.С. Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны. М., 1958. С.87.
- ¹⁸ Леонидов И. Корейцы в Маньчжурии //Вестн. Маньчжурии. 1930. №11. С.74.
- ¹⁹ Расы и народы: Ежегодник. Москва, 1974. С.209.
- ²⁰ Ко Сынче. Канто иминса ы сахве кион-чечок пунсок (Социально-экономический анализ истории переселения в Цзяньдао). Пэксан хакпо. 1968. №5.
- ²¹ Вестн. Маньчжурии. Харбин, 1934. №7. С.138.
- ²² Шабшина Ф.И. Очерки новейшей истории Кореи. М., 1959. С.125.
- ²³ Сан Чул Су. Указ. соч. С.88.
- ²⁴ Тихий океан. 1935. №2. С.177.
- ²⁵ Ли Канг. Маньчжурские события и Корея //Материалы по национальным проблемам. 1932. №3. С.96.
- ²⁶ Казакевич И.С. Аграрные отношения... С.71.
- ²⁷ Ко Сынче. Манчу ноноп имин ы сахвесачок пунсок (Социально-исторический анализ сельскохозяйственных переселенцев в Маньчжурию). Пэксан хакпо. 1971. №10. С.180.
- ²⁸ Ульский А.И. Корейские иммигранты в Маньчжурии //Вестн. Маньчжурии. №11—12. С.138.
- ²⁹ Хун Ку Ли. Указ. соч. С.148.
- ³⁰ Сан Чул Су. Указ. соч. С.92.
- ³¹ Пигулевская Е.А. Корейский народ в борьбе... С.47.
- ³² Там же. С.48.
- ³³ Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем: Информ. бюл. М., 1935. №3. С.10.
- ³⁴ Пигулевская Е.А. Корейский народ в борьбе ... С.44, 45.
- ³⁵ Ленин В.И. Капиталистический строй современного земледелия //Полн. собр. соч. Т.19. С.332.
- ³⁶ Казакевич И.С. Аграрные отношения... С.53.
- ³⁷ Там же. С.52.
- ³⁸ Ин Чжон Сик. Указ. соч. С.78.
- ³⁹ Сан Чу Су. Указ. соч. С.73.
- ⁴⁰ Корея под японским колониальным управлением...С.168.
- ⁴¹ Гражданцев А.А. Корея. С.302.
- ⁴² Там же. С.307.
- ⁴³ Там же. С.191.
- ⁴⁴ Корейский студенческий бюллетень. Сеул, 1928. №12. Англ. яз.
- ⁴⁵ Научно-исследовательская ассоциация... 1935. №5. С.26.
- ⁴⁶ Дальневосточное обозрение. Нью-Йорк. 1939. 20 дек.
- ⁴⁷ Ко Сын Че. Канто иминса... 1968. №5. С.234.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Корея под японским колониальным управлением... С.87.
- ⁵⁰ Там же.

SUMMARY. The author of the article «Korea as a Part of Japan Empire (1910—1945). Economic and Demographic Consequence», Candidate of Historical Sciences Victor Gaikin considers the period, when Japan, while as a result of her victory over Russia in 1905—1907, established protectorate over Korea. Since 1910 Korea was called as «Japan's General-Governorship Tesem». Japanese colonizers exercised so-called «land census». In result of it they seized the most fertile lands. Ruined peasants began migrating to Manchuria and Russia. Koreans' uprising against colonial yoke made Japanese government to fail the terror methods and passed to the policy of «threats and bribery». There were announced decrees giving the equal rights to Koreans as well as Japanese. But the main aim of these reforms was consolidation of the regime, Koreans became the subject not only of exploitation but national discrimination that also furthered their emigration. To 1945 the number of emigrants consists of 4 million Koreans or 15% of all Korea's population.